

Систематические ссылки на Стрыйковского, сделанные в «Синописе», по проверке не оставляют никаких сомнений в этом. Тот факт, что составитель «Синописа» предпочел «Хронику» польского автора русским летописям, явился поводом для некоторых великодержавно настроенных историков царской России, не признававших никакой ценности польских хроник, резко отрицательно подойти к оценке «Синописа».²⁴ Но как бы ни относиться к достоверности многих известий, имеющих только в польских хрониках, но не подтвержденных русскими летописями,²⁵ нужно признать, что «Хроника» М. Стрыйковского была выдающимся событием в польской и вообще славянской историографии конца XVI в. Матвей Стрыйковский, человек весьма эрудированный и гуманно настроенный к различным народам, хорошо знавший историю польскую, русскую, литовскую, чешскую и отчасти южных славян, умело обобщил труды своих предшественников и создал талантливый и популярный труд по истории Польши, Руси и Литвы. Известный славист прошлого века Иосиф Первольф, отметив недостатки «Хроники» Матвея Стрыйковского, присущие всей историографии позднего средневековья, назвал ее одним из самых замечательных литературных трудов того времени.²⁶ В новой работе по истории Польши «Хроника» получила высокую оценку за тот богатейший исторический, географический и бытовой материал, который был использован в ней Матвеем Стрыйковским.²⁷

Автор «Синописа», остановив свой выбор на этой книге по истории Восточной Европы, показал начитанность и умение выбрать нужное. Он с полным основанием мог использовать опыт краткого изложения русской истории, сделанный М. Стрыйковским, так как ставил перед собой такую же задачу: сжато рассказать о важнейших событиях общерусской истории. Что автор преследовал цель краткого изложения истории, свидетельствует одно его замечание, объясняющее причину сокращения в перечне стран и народов Европы (по Ботеру): «неудобь подробну описати; совершенно вкратце».²⁸

Использовать готовый и обработанный материал по русской истории польского автора было доступнее, проще, скорее, чем производить самостоятельные разыскания. Это стало возможно только лет через пятьдесят.

высокое качество перевода. Переводчик, как думается, иногда не справлялся с языком оригинала и некоторые слова оставлял без перевода, например польское слово «osada» (поселенец), что сделало текст мало понятным: «...от тех же сарматских и славяно-русских осад тойже народ — русский изыде» («Синопис», стр. 13); в другом месте польское слово «гугу» (трубы) также оставлено без перевода: «отъем воду сладкую рурами подземными текущими» (стр. 66; ср.: Стрыйковский, стр. 129). Небрежность того, кто подготавливал материалы для Гизеля, сказалась в повторении статьи 1321 г. (см. там же, стр. 196 и 197).

²⁴ П. Миллюков. Главные течения русской исторической мысли, стр. 9 и др. А. Попов, автор капитальной работы «Обзор хронографов русской редакции», еще резко отнесся к польской исторической литературе, объявив ее влияние на русскую историческую мысль прямо вредным (в. 2, М., 1869, стр. 203).

²⁵ Пора возобновить изучение польских хронистов, используя современные методы, применяемые советскими историками при изучении русских летописей. Нет никакого сомнения, что польские хроники дадут много ценного и интересного материала, в особенности в области международных отношений государств Восточной Европы. Исследование историко-географической ценности польских хроник уместно проводить совместными усилиями советских и польских историков.

²⁶ Иосиф Первольф. Славяне. Их взаимные отношения и связи, т. II. Варшава, 1888, стр. 121—126.

²⁷ История Польши, т. 1. Изд. АН СССР, М., 1954, стр. 240. «Очерки» называют Стрыйковского видным литовским историком (стр. 125). Правильнее его назвать историком Литвы.

²⁸ «Синопис», стр. 10.